

П.Н. Краснов

Выпашь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К77

К77 **Краснов П.Н.**
Выпашь / П.Н. Краснов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 512 с.

ISBN 978-5-4241-1982-8

Во втором романе трилогии П. Н. Краснова читатель вместе с героями переживает перипетии Русской Голгофы в первой четверти XX века. Это роман о чувстве и долге, о вере и безверии, о судьбе и о верности человека своему высшему предназначению. Это роман о Любви. И это роман о Семье, о ее непреходящей ценности как залого благополучия всякого народа.

ISBN 978-5-4241-1982-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013
© П.Н. Краснов, 2013

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

— Итак, Долле, вы твердо решили сегодня же ехать обратно?

— Не могу больше оставаться, королева... И отпуск мой кончается. И дело мое тянет меня к себе.

Та, кого назвали «королевой», покраснела, остановилась и, рассеянно сбивая сложенным зонтиком былинки трав, посмотрела в глаза говорившему. Говорил артиллерийский капитан выше среднего роста, — сутуловатый, с темным цветом лица, густыми черными бровями над большим, широким носом. Темно-карие глаза светились умом. Над толстыми губами были усы. Мягкая борода обрамляла щеки, удлиняясь на подбородке. Очень выразительно было лицо. Капитан был по-городскому в длинном сюртуке со скромным бархатным воротником, с ученым золотым значком на груди.

«Королева» смотрела внимательно и глубоко в глаза капитана. Точно хотела спросить без слов, почему он опять назвал ее — королевой, потому ли, что помнил их детские игры в «трех мушкетеров», или потому, что по-прежнему почитал ее королевой? Ее зеленовато-серые, так часто меняющее цвет и оттенок глаза, — морская волна холодного северного моря — надолго остановились на его темных глазах.

— Долле, — сказала она тихим грудным голосом. — Как все это странно, не правда ли? Наши детские игры в Захолустанном Штабе... Вы... трое... Вы — Арамис, мой муж — Петрик — Атос и... — она понизила голос до шепота, — Багреньев — Портос. Давно это было!..

— Ну... не так давно. Много ли лет прошло? И десяти, пожалуй, нет?

— А как много пережито!

Она опустила голову, перестала сбивать цветы и глубоко вздохнула.

— Да, вся жизнь по-новому, — чуть слышно сказала она.

В изящном костюме *tailleur*, серо-желтого цвета пыли, стройная, очень моложавая для своих тридцати лет, с девическим гибким станом, с нежным румянцем на щеках с ямочками, она четко рисовалась на зеленом поле, покрытом поздними, осенними цветами. Она отвернулась от Долле и смотрела на запад, где к лиловым горам румяное спускалось солнце. Там шла игра цветов и красок. Позолотою покрывались острые пики скал, и были облиты нужною розовою глазурью пологие холмы. По скатам все чернее становились густые леса в мрачных ущельях.

— Как красив этот вид, — сказал капитан.

— Как смотреть? — задумчиво сказала она. — Если посмотреть и уехать?.. Да... глазами путешественника... Очень красив... Я бы сказала: экзотичный вид... Как на китайской лаковой коробке. Да ведь и то... Мы в Китае... Пост Ляо-хе-дзы...

Но, если подумать... что королевне сказки Захолустного Штаба предстоит любоваться этим видом многие годы... Может быть, всю жизнь...

Она замолчала. Голова ниже опустилась на грудь, рука оперлась на зонтик. Зонтик чуть врезался концом в мягкую дернину луга.

— Он... ужасен... — прошептала она.

— Вы жалеете, Валентина Петровна, что вышли замуж за Петрика? — очень тихо, спокойно и ласково сказал капитан. — Что поехали в эту глушь?

— Долле... Как странно... мы все одних лет... а всегда мы как-то... все... даже и Портос — были откровенны с вами... Мы вам точно исповедывались. А — Петрик? Он в вас души не чает... Вы спрашиваете меня — жалеет ли вдова профессора, Валентина Петровна Тропарева, о том, что она вышла замуж за ротмистра Петра Сергеевича Ранцева и поехала венчаться в Харбин, а жить в Манч-

журской глуши, на глухом посту Ляхедзы? Нет... Не жалеет. Что ей оставалось делать, когда ее первый брак так страшно... так драматически ужасно окончился?...

Я всегда любила Петрика. Его нельзя не любить... Но передо мною, так искушенной жизнью, он — совсем детка... Мне стыдно думать, что он мой муж... Я его крепко любила, как честного товарища детских игр и как самого верного мушкетера... Он мне и раньше предложение делал... еще юнкером... Я тогда всерьез его не приняла...

Казалось — шуткой. Петрик — муж? Он для меня все тот же, немножко шалый — молодец-юнкер... Со «стишками» про строй и лошадей. Быть его женой?.. Вы понимаете?... Это совсем другое... Это очень серьезно... А серьезен ли для этого Петрик!? Особенно теперь — после всего того, что было!

— Валентина Петровна — посмотрите на него. Я вам одно могу сказать; ваш Петрик — рыцарь долга.

Долле широким взмахом руки показал Валентине Петровне на группу из трех офицеров, стоявших на другой сторон цветущего луга. Самый высокий и был ее муж — Ранцев.

В кителе и рейтузах с зеленым кантом, в высоких сапогах, загорелый, с мягкими небольшими русыми усами в стрелку, в надетой на бок фуражке, стройный и гибкий — он сейчас нагнулся над чем-то в траве и рассматривал. С ним были офицеры его сотни: черноволосый, сухощавый штабс-ротмистр Кудумцев и загорелый в красную бронзу поручик Ферфаксов. Сзади Ферфаксова стоял каштанового цвета не слишком породистый сеттер Бердан. И Бердан тоже что-то рассматривал в траве, и кончик его хвоста ходил вправо и влево, а голова поднималась к Ферфаксову — точно объяснить хотел что-то Бердан хозяину.

— Очень хорош..., - сказал Долле. — Другого такого офицера днем с огнем не сыщете.

— Да... если бы...

Валентина Петровна не кончила начатой фразы. Долле ее понял. «Если бы не стала между ними эта тайная, но всем ставшая известной, история ее связи с Портосом, задушенным в гарсоньерке на Знаменской улице в Петербурге год тому назад».

— Простит ли он мне, когда-нибудь, — чуть слышно сказала Валентина Петровна, — мое увлечение Портосом?...

— Если бы Петрик об этом думал, — он не женился бы на вас, — твердо сказал Долле. — Вы, Валентина Петровна, можете ему верить. Он это забыл... Навсегда...

Он не знает об этом.

Петрик выпрямился. В золотых лучах закатного солнца он казался отлитым из бронзы.

— Аля, — крикнул он. — Идите сюда. Какую интересную вещь я вам покажу.

II

В густой траве — и как-то много тут скопилось цветов, лиловых колокольчиков, гроздей сине-желтого мышиного гороха, пушистой вероники, желтых ромашек, — на пестром их ковре стояла маленькая — поларшина вышины и три четверти длины, точно игрушка — китайская кумирня. Она была слажена из дерева и из камней, с разлатой черепичной, серой крышей, с широким входом, где стояли красные столбики с золотыми концами и с раскрашенными под кирпич деревянными стенами.

Валентина Петровна опустила на колени и села, чтобы заглянуть внутрь игрушечной постройки. Там была наполовину сдвнутая ветром горка пепла, и за нею дощечка, где черной, желтой и красной красками было изображено косматое и лохматое чудовище с выпученными глазами.

— Это что же такое? — спросила Валентина Петровна.

— Это то, что здесь называют «Ляо-мяо» — маленькая кумирня. Это кумирня бога полей. Бога здешних мест, — сказал Петрик.

Валентина Петровна долго и серьезно рассматривала дощечку, вполголоса, ни к кому не обращаясь, будто говоря сама с собою, она сказала:

— Бог здешних мест... Будь же ты милостив к нам, бог полей... Но какой же ты стра-ашный — и смешной... смешной...

В ее голосе прозвучали слезы. Быстро, не ожидая ничьей помощи и не опираясь руками, она вскочила на ноги и скорыми шагами

пошла от кумирни. Точно хотела скрыть от всех набежавшие на ее глаза слезы.

В тридцати шагах от кумирни луг кончился. Дальше было когда-то запаханное поле — паровое поле.

Потому ли, что в этот самый миг солнце скрылось за горы и длинные черные тени побежали в долину, холодный шумливый ветерок налетел откуда-то и зашатался от его дуновенья широколистные лопухи, покрытые серыми цепкими шариками, и зашелестели густые кусты бурьяна, или и действительно после зеленого цветущего луга это поле являло всю мерзость запущенности и осиротелости — оно показалось ужасным и мрачным Валентине Петровне.

Молодая женщина сделала несколько шагов по нему. Ноги спотыкались о неровные, желтые, кочковатые желто-серые борозды. Разлзтый будяк с малиновыми кисточками пушистых цветов зацепился шипами за ее кофточку. Овсяг качался под ногами, и из гущи серых трав скромно торчали три пушистых бедных зерном колоса похожей на пшеницу чумизы. За кустами бело-зеленой лебеды и густо разросшейся крапивы проглядывали серо-желтые грубые доски неуклюжего длинного ящика, поставленного на камнях. Точно безобразный бог полей, чье изображение только что видела в «ляо-мяо» Валентина Петровна, показал в этой запущенной заброшенности поля свое страшное лицо. Валентина Петровна остановилась. Она старалась отцепить колючки будяка.

Шипы кололи пальцы сквозь перчатки. Петрик и Долле поспешили ей на помощь.

— Послушайте, — показывая зонтиком на серый ящик, сказала Валентина Петровна, — что это такое?

— Это китайский гроб, — спокойно сказал Петрик.

— Гроб? — Валентина Петровна побледнела и отвернулась. Неужели и тут, как всю ее прежнюю замужнюю жизнь, ее будут преследовать покойники и мертвые тела? Ей казалось, что она слышит запах трупа, несущийся от гроба.

— И там... покойник? — содрогаясь, сказала она.

— Возможно, что и нет. Китаец приготовил себе гроб и оставил в поле, а сам еще и не умер... А если и покойник, то давно истлел. Этот гроб здесь стоит давно.

Не все ли равно? Это был гроб... Это была могила. Ей довольно было могил.

Довольно смертей и ужасов. За прошлый год — чего она не пережила! Она пошла назад. Когда ступила на луг и подошла к кумирне бога полей, страшная злоба вдруг охватила ее. Ей хотелось ударом зонтика сбить крышу кумирни-игрушки, растоптать ногами, в щепы разбить изображение бога полей. Она испугалась, однако, самой мысли. Вдруг может подслушать ее этот страшный бог? А что — если отомстит? Она прошла с затаенным страхом мимо кумирни и, обернувшись на поле, спросила с нервическим смехом:

— Что же там?... Китайское кладбище? — она хотела бросить упрек Петрику. «Хороши!

Куда повели в день свадьбы! На кладбище!» — Но оставила это в мыслях. Ей жаль стало Петрика. Да и не он виноват. Она сама пошла туда.

— Нет. Это — выпашь, — сказал Петрик. Валентина Петровна повернулась к страшному полю. На лице ее был вопрос. Она не поняла Петрика. Она никогда не слыхала этого слова. Долле ей объяснил.

— Это выпаханное, усталое поле. Оно перестало родить. Его оставили «под паром», оно заустело, поросло сорными травами. Оно было выработано и потому переутомлено.

— Очень зайчистое место, — сказал Петрик. — Я скажу Факсу, пусть бросит туда Бердана. Может быть, на ваше счастье выгонит какого-нибудь зайчишку. А для вашей Ди-ди — это будет раздолье.

— Выпашь, — тихо сказала Валентина Петровна и пошла рядом с Долле за Петриком.

— Усталое поле... А, знаете, Долле... и душа может так устать... И порастает бурьяном сомнений, чертополохом отчаяния... Как вы думаете?

— Конечно, может. Если много от души требовали... Если многое ей пришлось пережить.

— И что тогда?

— Надо дать отдохнуть душе, как дал хозяин отдохнуть выпаханному полю...

Сосредоточиться... обдумать...

— И дальше?

— Придет хозяин, выкорчует, выжжет сорные травы, перепашет поле — и оно снова зацветет хлебами.

— Вы думаете — и душа так?

— Непременно. Нашелся бы только хозяин. Бердан носился и прыгал по полю.

Ферфаксов кричал на него. Эта суета и жизнь на усталом поле не отвечали тому настроению, что дало оно Валентине Петровне. Она капризно крикнула мужу:

— Петрик!.. Довольно... Идемте домой... Надо успеть накормить до поезда Ричарда Васильевича. Таня ждет с ужином.

Петрик сейчас же пошел к ней. Она смотрела на его легкую и твердую поступь, на всю его крепкую, хорошо слаженную фигуру и думала: — «хозяин!.. хозяин... сумеет ли он очистить душу? Сумет выкорчевать и сжечь все ее печали и сомнения — и сделать поле ее души благодатною нивою?» Она шла с Долле. Сзади Ферфаксов и Кудумцев что-то кричали собаке. Она морщилась от этого крика. Петрик обгонял ее. Он шел распорядиться. Хозяин!

Она догнала его, вложила свою руку в изгиб его локтя и крепко оперлась на него.

Снизу вверх заглянула морской пучиной в его серые, стальные, немигающие глаза. С гордостью еще раз подумала: «хозяин!» Со спокойною ласкою смотрел Петрик в глаза Валентины Петровны. Огонь страсти загорался где-то далеко в самой глубине его потемневших зрачков. Валентина Петровна вздрогнула, почувяв этот огонь. Еще крепче оперлась она на сильную руку.

Выпашь осталась далеко позади.

III

Так началась новая жизнь Валентины Петровны на манчжурском посту Ляхохедзы в казенной постовой квартире командира Заамурской сотни.

Хозяин оказался хороший. Милыми заботами, а, главное, полным забвением прошлого: — они никогда не поминали о ее первом заму-

жестве, о петербургской жизни — он и правда точно выкорчевывал выпаханное страданиями поле ее души.

Заботы как-то сразу навалились на нее. Ее муж, с сотенным подрядчиком — китайцем Александром Ивановичем — убрал квартиру.

Но разве он умел это сделать!?! Так все было плохо и безвкусно, казарменно пусто в их пяти комнатах! Она со своей постоянной горничной — почти подругой — Таней все переставила по-своему. Не хватало мебели и безделушек. Начались поездки в Харбин и Куан-чен-дзы — надо же было и визиты сделать женатым офицерам и кое-кому из инженеров, — началось знакомство с «универсальными» магазинами Кунста и Альбертса, Чурина и Соловья, с лавками китайского квартала и выписка из Шанхая мебели. Валентина Петровна с азартом накинулась на китайские и японские шелковые вышивки, на китайский старый фарфор и японское клуазонне, на циновки из рисовой соломы, изделия из разного черного дерева, и, поначалу не замечая банальности обстановки, устраивалась так, как устраивались на Дальнем Востоке все офицерские жены.

Ее проводником и советником был командир полка Петрика полковник Ржондпутовский, старый манчжурец. За глаза все звали его — Старый Ржонд. Он любил всю эту китайщину. Ему извивающиеся золотые драконы, тканые по тяжелому шелку цвета индиго — были как родные. Он питал нежность к лохматым хризантемам и стилизованным розам из слоновой кости и перламутра. Китайский черный лак казался ему верхом красоты. Валентина Петровна поддавалась ему. Да, если нельзя было все выписать из Петербурга и Москвы, поневоле приходилось устраиваться на русско-китайский лад.

Эти хлопоты, установка ее прекрасного рояля фабрики Эрара, разборка нот, воспоминание когда-то игранного заняли ее первые месяцы на посту, и она как-то забыла и страшного бога полей и так поразившее ее выпаханное поле. Она туда не ходила. Наступала золотая манчжурская осень. С юга везли виноград и бананы. Из Японии доставляли мандарины, миканы и каки. Все это было ново. Китаец-бой был за повара. Она учила его готовить, как готовили у ее отца в Захолустном Штабе. Она много ездила по вечерам верхом с Петриком. Ее собака — левретка-уипет Диди — как сумасшедшая

носились по полям. Лошади пряли ушами. Их шаг был мерен, колебания тела мягки. Эти поездки напоминали ее прошлое увлечение и в этом была сладость, не отравленная сознанием греха.

Диди врывается в выпашь, — и Валентина Петровна скакала за нею на караковом Мазепе рядом с Петриком, забывая про страшный китайский гроб. Будяки рвали ее легкую амазонку. Лопухи цеплялись за края юбки и оставляли на них свои серые липкие катышки...

Не плоха была новая жизнь. В ней растворялась и исчезала прошлая, полная тягостного. На посту: она да Таня — единственные женщины. Отсюда поклонение им всего мужского населения казармы.

То явится в болотных сапогах, в изорванном, измызганном охотничьем костюме меднокрасный Ферфаксов и принесет на кухню убитую им дикую козу-джейрана.

Валентина Петровна выйдет к нему поблагодарить — и мил и смешон ей громадный Факс. Сзади него стоит Бердан — и в коричневых глазах Бердана и янтарных Факса она читает одинаковую преданность. И, едва сдерживая смех, Валентина Петровна думает, что если бы Факс был собакой, он был бы такой, как Бердан, и, если бы Бердана сделать офицером, — он был бы точь-в-точь Факс. И это было приятно. У нее — королевны — не переводились пажи!

То примчится со двора пунцово-красная Таня и принесет громадные букеты невиданных цветов — громадных лохматых хризантем и пестрых далий.

— Откуда, Таня?

— Похилко, барыня, — задыхаясь, говорит Таня, — унтер-офицер Похилко. Ну такой вальяжный кавалер!.. Говорит, из Японии достали. Матрос с миноносца привез.

Земляк ему. Это вам, барыня.

Общее поклонение радовало. Оно поднимало. Оно делало чище и подтягивало. Надо было быть перед обожателями всегда на высоте — отсюда надо было наряжаться и всегда быть интересной.

Валентина Петровна чувствовала, как все это усиливало страстную и нежную любовь мужа.

Как-то незаметно пришла беременность. Совсем некстати. Как это она не убереглась?!

Не невинная девчонка же!..

Однако несла ее кротко. Даже с некоторой гордостью. Ждала сына. Родила в Харбине, в клинике, и очень легко, девочку. Назвали в честь матери Петрика — Анастасией.

Опять были хлопоты и заботы. В этом краю воспитать ребенка! Но помогать ей бросились все. Старый Ржонд разрывался на части. Письма и телеграммы полетели по всему Китаю до Кантона и Нанкина!..

Наконец, из Тянь-Цзиня приехала с отличнейшими рекомендациями няня-китаянка Чао-ли,

«Ама», как их зовут на Дальнем Востоке. Она училась в английской католической школе и прекрасно говорила по-английски. Валентина Петровна сразу решила, что она будет брать у нее уроки английского языка. И Петрик тоже!..

Она посмотрела на китаянку. Прелестна была Чао-ли. Ей было двадцать три года. На лоб спускалась прямо подрезанная челка блестящих черных волос. Косые глаза блистали и светились преданностью. Длинные шаровары, башмачки на маленьких, не уродованных ножках, расшитая кофта-курма, — точно в модной пижаме оттеняли молодое, стройное тело. Петрику брать у нее уроки?.. Хорошо ли?

Но она Петрику верила.

Когда вернулась из Харбина на пост — ее квартира стала женским царством. Рядом с их спальней — комната Насти и Чао-ли. Рядом с ними Таня и Ди-ди. В этих комнатах всегда смех. Таня учит Чао-ли по-русски, Чао-ли болтает на русском, английском и китайском языках. Даже маленькая Настя мало плакала.

И у всех преданность в глазах. Точно ее подданные... У Чао-ли, как у Диди, у Тани, как у Чао-ли... Рабы?...

Валентина Петровна такое рабство оправдывала. Что было в нем худого? Все были счастливы услужить своей госпоже. А не все ли равно быть счастливым свободным, или зависимым. Дело в счастье, а не в свободе.

И так прошло незаметно два года. Время не знает остановки. Его поступь неизбежна.

И тогда, когда жизнь на посту утряслась, потеряла новизну, — тогда стала Валентина Петровна замечать обратную сторону медали.